

У канцы лістапада 1941 г. быў наладжаны выпуск прадукцыі на вінакурнадражджавым заводзе (налічвалася больш за 40 чалавек), аднак з-за цяжкасцей з яе збытам прадпрыемства працавала не на поўную магутнасць. Завод лічыўся самым буйным у Літве.

Літаратура

1. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Ашмянскага раёна. – Мн.: БЕЛТА, П15 2003. – 688 с.: іл.

Надписи-заклятия в письменных источниках XII-XIV вв.

Черкасов М.А., 1 курс, исторический факультет, БГПУ;
науч. рук. – кандидат исторических наук, доцент И.Л. Калечиц, БГПУ

В поле нашего зрения попали письменные рукописные и эпиграфические источники, содержащие надписи-заклятия. Круг таких источников довольно широк и нуждается в дальнейшем изучении, но в данной статье мы рассмотрим только три источника: надпись на кресте Евфросины Полоцкой, грамоту Мстислава Володимировича и вкладную Ивана Никоновича. Первые два датируются XII в., последний - XIV в.

Крест Евфросины Полоцкой – один из самых ярких памятников культурного наследия XII в. Созданный в 1161 г. (о чем свидетельствует надпись), он является показателем развития культуры и распространения христианства на белорусских землях. Кроме многочисленных святых и украшений, на кресте имелся текст, который представляет для нас интерес.

В части этого текста содержится следующее заклиание: «...а если не послушается кто и вынесет из монастыря, пуская не поможет ему святой крест ни в жизни этой, ни в будущей, и пуская будет проклят Святою Животворящею Троицею и святыми отцами 300 и восемью соборами святых отцов и будет ему доля Иуды, который предал Христа. Кто ж осмелится сделать это: властелин или князь, или епископ, или игуменья, или другой какой человек, будет ему заклиание это» [1, с. 69].

Исходя из содержания этого отрывка, мы видим, что грабежи в церквях были не таким редким явлением. Возможно, поэтому преп. Евфросиния написала это заклиание, чтобы крест оставался в целостности и сохранности в стенах «церкви Святого Спаса». За преступление в отношении креста заклиание обещает жестокую кару, причём, как в этой жизни, так и в следующей, проклиная преступника Святой Троицей и сравнивая его с Иудой. Это можно аргументировать тем, что крест был ценным предметом из-за святых, находящихся в нем, и материалов, из которых он состоит. В самой надписи на кресте есть строчки: «А ковань его золото и серебро и камень и женчог вь 100 гривнь ...» Однако это заклиание, как можно видеть по дальнейшим событиям, пугало далеко не всех, ибо после захвата Полоцка смоленским князем Мстиславом Давыдовичем, а именно 17 января 1222 г., крест был перевезён в Смоленск, где находился до начала XVI в.

Заклиания есть не только на эпиграфических памятниках, но и в дарственных грамотах. Например, жалованная грамота Мстислава Володимировича Новгородскому Юрьеву монастырю (1128-1132 гг.) [2, с. 46] тоже содержит заклиание, текст которого выглядит примерно таким образом:

«Да же кто заприть или ту дань и се блюдо да судить ему бог в день пришествия своего и ты сты Георгии». Если перевести данный текст, то мы получим примерно следующее: «А кто запретит или ту дань или это блюдо, то судит его бог в день пришествия своего и ты святой Георгий». В начале грамоты упоминается также, что если какой-либо князь захочет отобрать подаренное у монастыря, он забирает у самого святого Георгия, и свидетели этому Бог и Святая Богородица.

В этом заклиании имеются некоторые особенности.

Во-первых, сразу можно увидеть, что относительно текста это заклиание не такое объёмное, как на кресте Евфросины Полоцкой. Во-вторых, можно отметить тот факт, что в данной надписи за преступление не назначается наказание, а указано лишь, что преступника будет судить Бог и святой Георгий. И они должны были вынести наказание, в то время как в рассматриваемом уже заклиании на кресте наказание от имени Бога устанавливает сама преподобная.

Написанное в XIV в. в Полоцке завещание Ивана Никоновича, Дементьева сына тоже имеет заклиание [3]. Его текст следующий:

«Надане. Во имя отца и сына и святого духа се азъ рабъ Божий Иванъ Никоновичъ Дементеевъ сынъ отходя сего света дал есьми святой Троице три места ролейная на Великомъ поли да поженька да лугъ на Полоте да огороде у старомъ городе да полдъ гумна отцю своему на память и себе и дитяти а хто иметь отнимати от Святой Троице: или вельможа или попь иметь продавати да будетъ проклять в сии векъ и вь будущи».

Часть-заклиание из данного завещания читается следующим образом:

«А кто будет отнимать от Святой Троицы, или вельможа или поп будет продавать да будет проклят в этот век и в будущий».

Тут указано, что человек, который попробует отнять земли, отходящие к церкви по этому завещанию, будет проклят. Причём, мы можем заметить, что само проклятие в этом завещании занимает примерно третью часть от всего текста, таким образом, можно предположить, что человек,

который завещал земли после своей смерти, боялся, что его волю могут нарушить и он, вместе с отцом и ребенком, останется без поминания.

Как мы видим, в надписи на кресте, жалованной грамоте и завещании есть общие характерные черты. Во-первых, это пожелание проклятия или Божьего суда не только в этой жизни, но и в будущей, людям, которые нарушают чужую волю. Во-вторых, и в надписи на кресте преподобной, и в завещании Ивана Никоновича имеются строчки с перечислением представителей различных сословий: в завещании «или вельможа или попь», на кресте - «властелин или князь или пискурь или игуменья или инь которых любо человекъ», в жалованной грамоте - «князь». Тем самым утверждается, что положение в обществе не влияет на степень тяжести заклатья, показывается, что заклатье действует на всех.

Литература

1. Калечиц, І.Л. Эпіграфіка Беларусі X-ХІVстст. / І.Л. Калечиц. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – 271 с.
2. Калечиц, И. Л. Практикум по вспомогательным историческим дисциплинам: палеография, геральдика, хронология, ономастика : пособие / И. Л. Калечиц. – Минск : БГПУ, 2012. – 156 с.
3. Альбом палеографічных здымкаў (з электронным дадаткам) : дапаможнік / А. І. Груша, А. М. Латушкін. Режим доступа:<http://elib.bsu.by/handle/123456789/113070/statistics>. Дата доступа: 20.03.2016.

Проявление национального архетипа в белорусской народной сказке

Шевчук П.Т., 9 «В» класс «Гимназия № 174 г. Минска»;
науч. рук. – учитель истории С.А. Азардович, «Гимназия № 174 г. Минска»

Культура содержит в себе совокупность смыслов, которые определяют фундамент человеческого сознания. Восприятие таких понятий как добро/зло, красиво/некрасиво, осознание себя и своего места в мире преломляется через совокупность смыслов культуры. Неслучайно, что именно в XX веке разговоры про кризис основ традиционной культуры сопровождался признанием «кризиса человека». Культурное пространство отображается в сознании индивида и народа как совокупность устойчивых символов, которые в психоаналитике К. Г. Юнга получили название архетип. Кризис культуры, упадок традиционных ценностей, развитие разнообразных форм манипулирования сознанием заставляют искать средства противодействия. Этим средством может быть саморефлексия, опирающаяся на знание и уважение основ национальной культуры.

Цель исследования: установить архетипы, свойственные белорусскому народу.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Определить влияние коллективного бессознательного на формирование личности человека.
2. Установить виды архетипов и их семантику, основываясь на анализ работы К. Г. Юнга.
3. Выявить архетипичные черты, свойственные ментальности белорусского народа в народной сказке.
4. Определить семантику архетипичных образов, представленных в традиционной белорусской народной сказке.

Объектом исследования является архетип как форма проявления коллективного бессознательного, влияющая на сознание личности. Предметом стал архетип белоруса, нашедший свое отображение в народной ментальности и фольклоре.

К. Г. Юнг доказал, что основы человеческой жизни, то, кем будет конкретный индивид в объективной реальности, напрямую зависит от связи сознания индивида с коллективным бессознательным [3]. Иными словами, идентичность человека заложена тем культурным пространством, в котором родился человек, в котором он живет и социализируется. Мое «я» одновременно и не мое «я», а отражение коллективного бессознательного, которое является самостоятельной универсальной реальностью, не зависящей от поворотов личной психоаналитической истории индивидуумов. Задача человека – перевести содержание коллективного бессознательного в область сознания, что может обогатить личность человека, сделать ее устойчивой к патологическому влиянию [3].

Коллективное бессознательное проявляет себя в качестве архетипа. К. Г. Юнг выделил первичные гендерные архетипы. Анима (с лат. душа) – бессознательная женская часть личности мужчины. Анима несет в себе закон Эроса и подчиняется ему, поэтому развитие мужской Анимы отражается в отношении мужчины к женщине. Анимус (с лат. дух) – бессознательная мужская часть личности женщины. Тень – часть личного бессознательного, где накапливаются образы неудач и проблем от общения Эго и бессознательного. Кроме анимы/анимуса и тени существуют и другие образы: Персона (маска актера), Вечный юноша, Самость, Старик, Tertiumquidatur [2].

Архетип проявляет себя в народном фольклоре. В сказках нет ничего личного, исходящего от комплексов человека. Весь личный материал обязательно исчезал или корректировался при пересказе истории, так как все, что не соответствовало коллективной психике, в рассказе не сохранялось. Структура персонажей и архетипы, которые проявляются в героях сказок, типичны для абсолютного